

А. А. Мартиросян

К вопросу о культуре Армении в VII—VI вв. до н. э.

Среди замечательных археологических памятников эпохи широкого освоения железа особое место занимает могильник, открытый в 1929 г. при строительстве кирпичного завода в ущелье Хртаноц между с. Головино и г. Дилижан, на территории Головинского санатория Министерства здравоохранения.

Этот случайно обнаруженный могильник был исследован поздней осенью того же года экспедицией Комитета охраны древностей Армении, раскопавшей здесь 22 кромлеха. Раскопки этих погребений дали исключительный по своему значению материал, ярко иллюстрирующий как местную культуру эпохи раннего железа, так и близкие культурные взаимоотношения между государствами древнего Востока, Закавказьем и скифами.

Материал этот поступил в Исторический музей АН Арм. ССР без достаточной документации и представляет ныне богатую коллекцию (№ 291). Результаты же раскопок не были изучены и изданы, хотя огромное значение их совершенно очевидно. Только в работе «Клинописный период истории Армении» (Ереван, 1933, стр. 105) в нескольких строках было сделано краткое сообщение о раскопках этого могильника, где автор, под влиянием Б. Ф. Фармаковского, старался связать вновь обнаруженную культуру с хеттской—малоазийской культурой, несмотря на явно позднюю датировку памятника и превалирование связей с древневосточными культурами Передней Азии.

Ошибочной интерпретацией археологического материала, отсутствием стратиграфических наблюдений, дневника, могильной описи и других документов, значительно затруднявших дело изучения хртаноцской коллекции, была вызвана необходимость новых раскопочных работ на том же могильном поле, произведенных в августе 1950 г. по поручению и на средства Института истории АН Арм. ССР.

Судя по сохранившемуся плану расположения могил, составленному экспедицией 1929 г., кромлехи были расположены друг подле друга в 5—6 горизонтальных рядов. В каждом ряду насчитывалось примерно 15—20 могил, общим числом около 90—120.

Экспедицией было раскопано здесь три погребения (направление с СВ на ЮЗ), сооруженные из огромных каменных глыб. Они были окружены снаружи кругом камней, плотно пригнанных друг к другу, и перекрыты 2—3 большими каменными плитами. Погребения эти содержали коллективные или одиночные захоронения с богатым и типичным инвентарем.

Кромлех № 1 был обнаружен южнее кирпичного завода метров на 60, недалеко от моста, ведущего в санаторий с. Головино.

В нем содержались остатки четырех костяков, возле каждого из коих имелся определенный комплекс железных и бронзовых предметов.

На первых трех таблицах (табл. I, II, III) представлен инвентарь, сопровождающий три мужских погребения, а на табл. IV и V приведен материал, связанный с четвертым женским погребением этого же кромлеха¹.

Кромлех № 2 находился западнее первого на расстоянии 30 м. В нем было обнаружено три скелета, совершенно раздавленных и смещенных камнями разрушенной северной стены. Положение их не удалось выяснить, но в одном случае мы имеем кости ног в согнутом виде, что указывает на скорченное захоронение костяков². Эта могила сравнительно небогатая. Она была заполнена раздавленными костями, среди которых были найдены сильно фрагментированный железный кинжал (табл. VI, рис. 1), агатовые, сердоликовые и пастовые бусы, аналогичные найденным в кромлехе № 1. Новостью, по сравнению с другими кромлехами, явились здесь биконической формы бусины из зеленоватого стекла.

Вся керамика была сконцентрирована в двух группах. Большая из них группа находилась у западной стены и состояла из двух чернолощевых чаш типа табл. IV, рис. 6, двух горшков типа табл. II, рис. 1, кружечки, разбитого кувшинчика, сосудика на трех ножках с крышкой и миски с двумя продырявленными в виде треугольника выступами ниже венчика.

В юго-восточном углу погребения находилась II группа керамических сосудов, состоящая из чернолощеной кружечки и двух маленьких горшков. В этой кружечке были собраны украшения и другие предметы, принадлежащие погребенным и представленные на табл. VI.

Здесь же, рядом с сосудиками, лежало железное копье (табл. VI, рис. 12), а у восточной стены могилы — бронзовая цепочка (дл. 70 см) с подвесочками в виде плодов.

Следует отметить, что инвентарь этого погребения находит точное соответствие среди материалов из коллекции и кромлеха № 1.

Кромлех № 3 находился в трех метрах от кромлеха № 2 с юго-западной стороны. Северная стена «каменного ящика», сложенная из мелких камней, была разрушена когда-то давлением земли извне. Вследствие этого не удалось выяснить ни количество захоронений, ни их положение. В различных местах могилы попадались мелкие разбитые косточки, не поддающиеся определению. Зубы человека были обнаружены в северо-восточном углу могилы, около сильно закрученной шейной гривны (табл. VII, рис. 1), и трех браслетов с концами, украшенными змеиными головками (табл. VII, рис. 2). Судя по общей обстановке, здесь мы имеем, ве-

¹ В намечавшейся для печати большой работе будет приведено подробное описание всех кромлехов и коллекции из раскопок 1929 г.

² В негативном фонде Исторического музея АН Арм. ССР сохранились документы, указывающие на скорченное положение костяков.

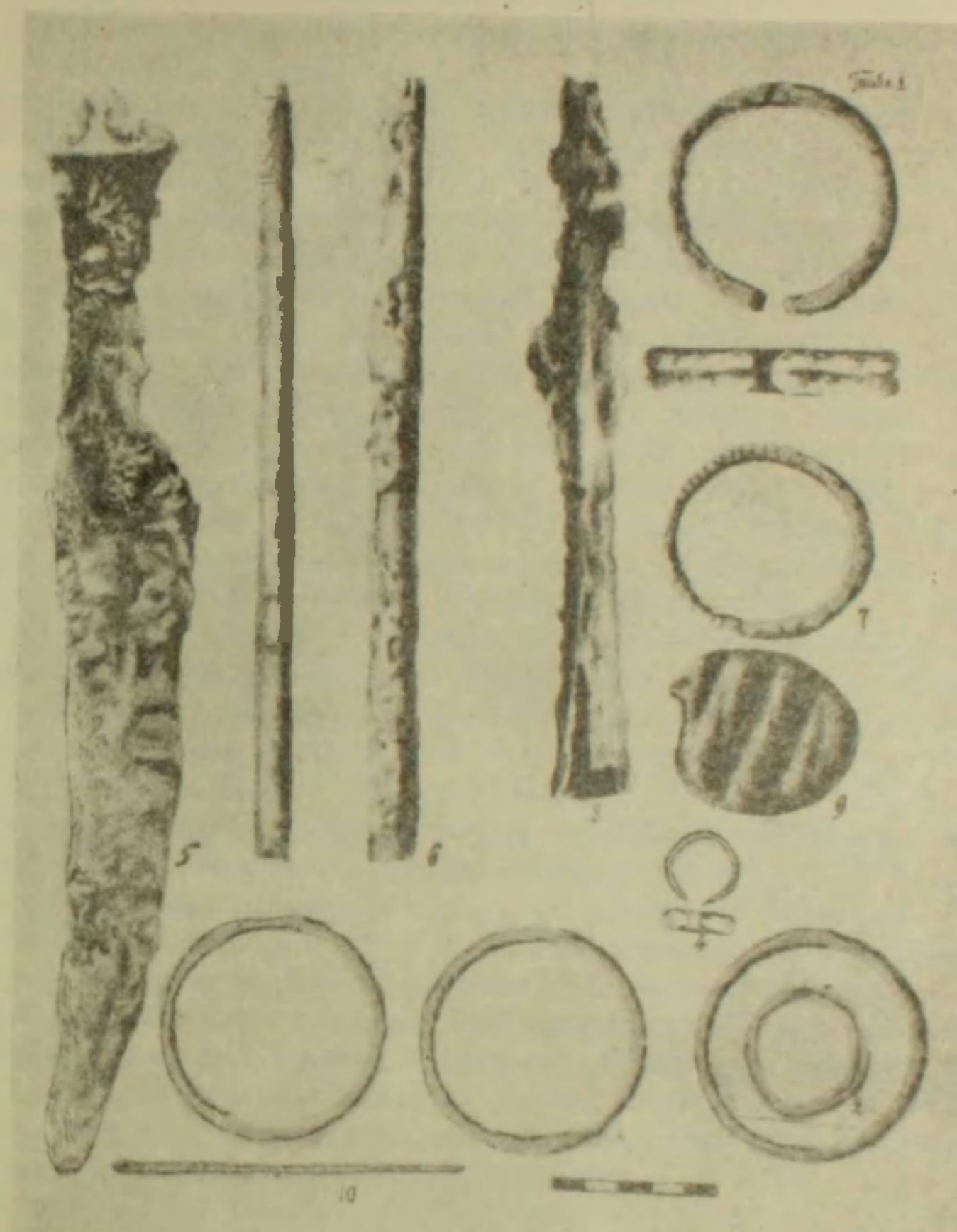

Таблица 1.

роятию, лишь одно мужское захоронение в скорченном положении, направленное с СВ на ЮЗ и имеющее у ног керамику и вооружение, а у головы—огромную чернолощеную чашу в виде богатого клада, содержащего разнообразные украшения из высококачественной бронзы, приведенные на табл. VII (рис. 7—12).

Керамика и предметы вооружения были сосредоточены у западной стены могилы, где мы наткнулись на следующую картину. Ниже других сосудов находилась одна чернолощенная и одна краснолощенная чаши с тремя подтреугольными выступами; в этой последней находилась красного оттенка ваза на «трех человеческих ножках», маленькая чернолощенная чаша с четырьмя выступами под венчиком, а также остатки железного миниатюрного ножа (типа табл. VI, рис. 4) и косточки мелкого рогатого скота. Сверх всего этого лежал прекрасно сохранившийся железный наконечник копья со сравнительно длинной втулкой и коротким лезвием. Он отличается от других наконечников тем, что шейка его, соединяющая втулку с лезвием, в сечении ромбовидна и приспособлена к боевому действию. Здесь же были обнаружены бронзовые ножны от кинжала (табл. VII, рис. 3) с орнаментированным кончиком, а также большой сероватый кувшин знакомого типа, с ручкой, украшенной вдавленными треугольниками. Между этим кувшином и красноватой чашей был обнаружен цельный пояс из листовой бронзы обычного типа и в нем кинжал с бронзовыми накладками на рукоятке (табл. VII, рис. 4), а также миниатюрный железный наконечник копья (табл. VII, рис. 5) и точильный камень с надетым на него бронзовым кольцом (табл. VII, рис. 6).

Отметим, что кромлех № 3, отличаясь особым богатством, по всем признакам повторяет ахталинский каменный ящик № 47¹.

Как общее замечание, нужно сказать, что погребения, раскопанные в могильнике ущелья Хртаноц в 1929 г., по своему материалу не отличаются от погребений, открытых в 1950 г., как это будет видно из сравнительного описания коллекционного материала. Как важный момент в деле изучения всех кромлехов ущелья Хртаноц, необходимо отметить, что, в отличие от многих синхронных могильников этого периода, когда мы вместе с семейными погребениями находим и захоронение рабов, здесь мы имели лишь погребения отдельных семей или семейных общин.

* *

В результате работы над материалом коллекции удалось установить лишь один погребальный комплекс (кромлех № 8). Судя по богатству инвентаря, кромлех этот являлся коллективным погребением.

Все предметы этого комплекса в коллекционном журнале обозначены под № 130. Они характеризуют собой хорошо датируемый по связи с другими могильниками Армении комплекс. Из железных предметов вооружения к этому комплексу относятся миниатюрный наконечник копья, два железных кинжала и серповидно-изогнутый нож.

¹ Ж. де Морган. *Mission Scientifique au Caucase*, т. I.

В разряд вооружения входят также две бронзовые пики, аналогичные найденным в 1950 г.

Богаты и характерны бронзовые, пастовые и каменные украшения этого комплекса. Ручные браслеты представлены в двух типах: с гладкой поверхностью замкнутые браслеты и проволочные браслеты с завернутыми друг на друга концами. Кроме того, отсюда же происходят серебряный браслет, условно названный мною «медальоном», с надетыми на него бусами из белой массы и 6 выступами, шейные гривны гладкие и витые с завернутыми в крючок концами. Комплекс этот содержит, помимо того, колечки пластинчатые и проволочные, подвесочки из бронзы в виде плода, а также пуговицы ромбической и полусферической формы.

Каменные бусы круглой или овальной формы, изготовленные здесь из сердолика и яшмы, составляют несколько ожерелий. Но еще большим количеством представлены здесь ожерелья из белотальковых бус в виде «домино» и из мелкого бисера того же теста, прочно датированные Б. А. Куфтиным VII—VI вв. до н. э. В этом комплексе представлена также масса других украшений.

Ввиду отсутствия точной документации установить остальные комплексы коллекций не удалось. Но рассмотреть этот материал можно путем выделения следующих основных групп предметов: вооружения, снаряжения, украшений из бронзы, украшений из полудрагоценных камней и пасты, металлической и керамической посуды.

В разряд вооружения входят наконечники копий, кинжалы и ножи из железа, а также два кинжала и две пики из бронзы.

Наконечники копий типологически могут быть разделены на две группы. В первую группу входят листовидные наконечники копий крупного и среднего размера (7 шт., дл. от 47 до 27 см), которые близко напоминают урартские.

Вторую группу составляют миниатюрные наконечники копий (3 шт.), обнаруживающие сходство с таковыми же в бронзе.

Железные кинжалы (3 шт.) представляют большое разнообразие (как вообще в эпохе железа) и не поддаются классификации.

Железные ножи, подобно наконечникам копий, составляют две независимые друг от друга группы. В первую группу входят два серповидно-изогнутых ножа урартского типа, а вторую группу составляют мелкие ножи, имеющие тоненькую ровную рукоятку с гвоздиками для деревянных накладок, незаметно переходящую в одностороннее лезвие подтреугольной формы.

Предметы вооружения из бронзы не являются характерными для коллекции. Они часто выступают в пережиточной форме.

В разряд снаряжения входят пять бронзовых поясов, изготовленных из кованых листов, носящих различную орнаментацию. Два из них имеют точечную орнаментацию, третий украшен резным геометрическим орнаментом, четвертый пояс, фрагментированный со спиральными бордюрами, носил на себе когда-то изображение животных.

Последний экземпляр состоит из двух дополняющих друг друга фраг-

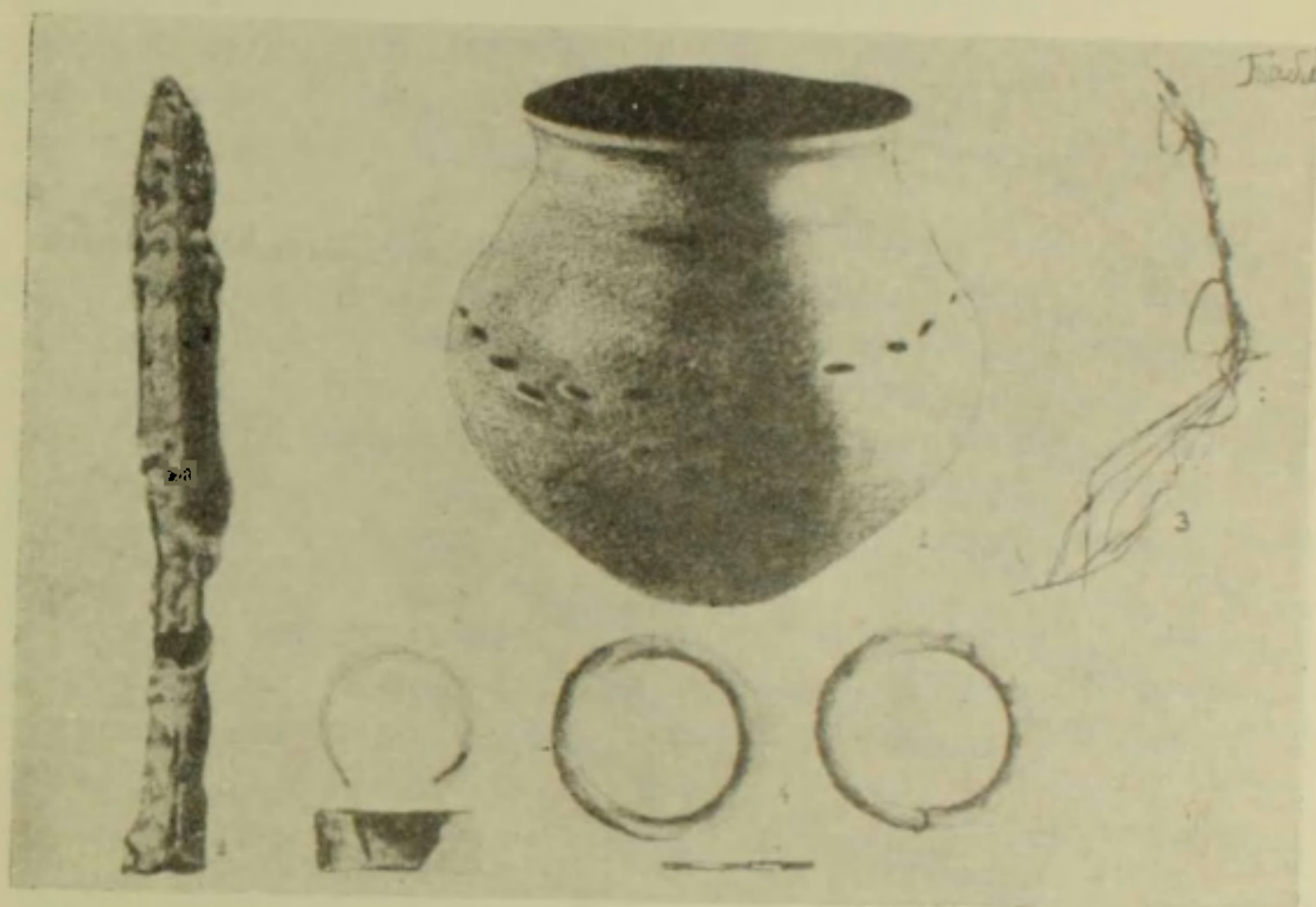

Таблица II.

ментов, носящих на себя гравированное изображение совершенно аналогичных трех грифонов, расположенных в одном ряду по вертикали.

Характерную часть коллекции составляют и украшения из бронзы. Они ярко иллюстрируют связи с предыдущей стадией развития первобытного общества, а некоторые из них связаны определенно только с эпохой железа и дают дополнительный для датировки памятника материал. В этот разряд входит несколько групп: браслеты, кольца, шейные гривны, бронзовые бусы, цилиндрические бронзовые трубочки, височные кольца.

Яркую и чрезвычайно характерную группу составляют типичные белопастовые бусы, названные Б. А. Куфтиным «бусы в виде домино», костяные бусы той же формы, четырехгранно-столбчатые бусы из того же материала, бисер из белой, голубой и желтой пасты, сардониксовые бусы боченкообразной формы, сердоликовые и яшмовые бусы овальной формы, а также треугольные и круглые, полусферические, пронизи из пасты и др. украшения.

Бронзовые сосуды, редко встречающиеся в коллекциях и могильниках, представлены тремя коваными чашами. Одна из них является замечательной фиалой, дно которой имеет форму выдавленной розетки из 18 лепестков, а другие две имеют совершенно простую форму.

Керамическая посуда, отличающаяся большим разнообразием, может быть разделена на две определенные группы. Первую многочисленную группу составляет чернолощенная керамика приведенных в таблицах образцов.

Вторую группу составляют простые горшки «кухонного» назначения, темные и светлые, почти всегда закопченные. Характерным признаком этих сосудов является семячковый орнамент, проведенный почти по центру корпуса¹.

*

Изучение богатых материалов Хртаноцкого могильника и проведенные за 80 лет археологические изыскания, в особенности советских археологов, создали прочную базу для систематизации памятников многих районов Закавказья во времени. Они создали также реальную основу для изучения археологических памятников по горизонтали, то-есть для синтеза и синхронизации памятников и, таким образом, определения различных этапов социального, общественного и экономического развития в пределах макрорайонов.

Рассматривая вопрос с указанной точки зрения, мы видим, что Хртаноцкий могильник не является единственным памятником эпохи широкого освоения железа. Севернее этой группы обнаружена и исследована ворнакская характерная группа памятников (Ворнак, Матур, Ахпат), которая, с одной стороны, близко напоминает кромлехи, раскопанные в уще-

¹ Кроме Хртаноцкого могильника, на северной окраине с. Головино по двум сторонам дилижанского шоссе расположены два могильника; один из них датируется самым началом I тысячелетия (до н. э.), а другой—концом этого тысячелетия и началом новой эры.

льс Хртаноц, а с другой—некоторые погребения Лалварских могильников, давших богатейший сравнительный материал¹.

Инвентарь Лалварских могильников замечательно связывает культуры, обнаруженные южнее (Головино) и севернее Лалвара (Дманиси). На территории Грузинской ССР аналогичные памятники составляют довольно четкую группу.

Между Лалварскими и Цалкинскими могильниками, времени широкого использования железа, промежуточное (географически) положение занимает могильник, открытый у стекольного завода в с. Дманиси, Башкичетского района Грузинской ССР². Причисление некоторых погребений этого могильника (№ 4 и др.) к ряду приведенных нами могильников кажется необходимым, так как этот могильник (в целом) обнаруживает более чем близкие отношения, с одной стороны, с могильниками лалварского массива, с другой—с погребениями цалкинской группы и даже Северной Осетии, датируемыми VII—VI вв. до н. э. Несомненно, могильник этот содержит разновременные погребения, но отнесение их к X—IX вв., как это делал Г. К. Ниорадзе, и таким образом отрыв их от всей окружающей среды, нам кажется глубоко ошибочным.

По пути от Дманиса на север, на территории Цалкинского плоскогорья, расположено несколько могильников, очень близких к вышеупомянутым по обнаруженной в них материальной культуре (могильники Цинцкаро, Бешташени и Маралын-дереси)³.

Проследив распространение синхронных и идентичных по значению археологических памятников с юга на север по прямой линии, на некотором участке территории Закавказья, нужно отметить, что культура, представленная здесь лишь несколькими памятниками, сплошным покровом распространена на всей территории Армении.

За неимением возможности в рамках настоящей статьи перечислить или же охарактеризовать многие из типичных для VII—VI вв. могильных памятников, отметим лишь, что они занимают довольно большую территорию, охватывающую почти всю северную Армению и часть Грузии, заключенную между течениями рек Куры и Аракса и образующую форму неправильного четырехугольника, северо-восточным пунктом которого является с. Цицамури, северо-западным—с. Двани, восточным—Басаргечар, юго-восточным—с. Сисиан, а юго-западным—с. Заким.

Но как бы широко ни были распространены эти могильники, характеризовать культуру данного периода только на основании их изучения представляется невозможным, хотя они дают богатый и легко добываемый сравнительный материал. Древние же поселения, представляющие собой, в сущности, остатки материальной жизни общества, дают более широкое и правдивое понятие о материальном производстве и об уровне его развития в ту или иную эпоху. К сожалению, поселения, относящиеся к эпохе

¹ Ж. Морган, *Mission Scientifique au Caucase*, т. I, стр. 55—71.

² Г. К. Ниорадзе, Могильник «стекольного завода», «Проблемы ист. докапитал. обществ», № 3, стр. 91—95.

³ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Тrialeti, I, 1941, стр. 49—53.

Таблица III.

широкого освоения железа на интересующей нас территории, еще не изучены.

Этот существенный пробел значительно восполняется изучением археологических памятников древневосточного типа, находящихся на территории Армении и тесно связанных с рассмотренными могильниками как по культуре, так и по времени.

Одним из самых замечательнейших древневосточных памятников является урартская крепость Тейшебаини, на холме Кармир-блур, близ Еревана, которая имеет очень много близких элементов с памятниками из отмеченных могильников. Раскопки этой грандиозной цитадели дали богатейший материал, освещающий не только вопросы урартской истории в экономическом, политическом, идеологическом и культурном отношении, но и вопросы истории первобытного общества времени урартской экспансии в Армении, характеризуя собой, таким образом, культуру этапа древневосточного рабовладельческого общества на указанной территории, когда она входила в состав древневосточного государства Урарту.

Раскопки урартской крепости Тейшебаини чрезвычайно характерны тем, что они дают наиболее богатый материал по культуре и истории урартов, скифов и аборигенов территории Арм. ССР. Так, среди инвентаря, обнаруженного в помещении № 18, выделяются как весьма близкие по форме к предметам из могильников Армении (железные ножи, кинжалы, серп и др.), так и отличные от них изделия (замок, чаши урартских типов, части конского убора скифского типа)¹. В другом помещении (№ 28) наряду с ярко выраженными урартскими комплексами (щиты, каменные печати, обломок колчана и пр.) был обнаружен комплекс железных (наконечники копий, ножи, тесла и пр.) и бронзовых (пояс с выбитым точечным узором, фибулы с выгнутой дужкой, змееголовые браслеты, бусы и пр.) изделий, не отличающийся от материала, обнаруженного в могильниках Армении VII—VI вв. до н. э. Другие материалы из этого помещения хорошо связываются со скифскими комплексами конца VII в. и начала VI в. до н. э.²

Однако раскопки цитадели на Кармир-блуре дают все же, главным образом, урартский материал. Менее ярко освещается путем этих раскопок жизнь местного населения. В этом отношении исключительный интерес представляет изучение поселения городского типа у Кармир-блур. Культурно-хронологические рамки для основного слоя поселения с совершенной определенностью уточняются при рассмотрении керамики этого слоя, представляющей собою основную и характернейшую массу инвентаря, обнаруженного в жилищах и датирующего поселение, с помощью и других данных, временем существования крепости Тейшебаини и близких ей по культуре могильников Армении. В этом особенно убеждает разбор керамики, обнаруженной в жилищах города³.

¹ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, I, стр. 16.

² Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, II, стр. 28--40.

³ В. С. Спрокич. Раскопки др. поселения, Кармир-блур, II, стр. 79—86, а также Тейшебаини—урартский город на территории Закавказья (рукопись).

Керамика эта делится на несколько групп, причем среди них четко выделяется как урартская, так и местная керамика, составляющая основную массу городской керамики.

Особенно хорошо связываются с керамикой из могильников Армении многочисленные фрагменты лощеных кувшинов с характерными дугообразными ручками, имеющими на поверхности штампованный орнамент в виде насаженных друг на друга вершинами треугольников, фрагменты мисок с треугольными в плане маленькими выступами под венчиком, крупные фрагменты маслбоек и обломок чернолощенных орнаментированных (рельефно и лощением) кувшинов лалварского типа. Остальные немногочисленные изделия, найденные вместе с керамикой, представляют собой бытовой инвентарь, сопоставление которого с материалами из синхронных могильников Армении указывает также на их идентичность.

Проведенное нами сравнительное сопоставление образцов керамики из поселения и могильников Армении приводит к важному выводу о том, что городское поселение у Кармир-блур было населено, в большей своей части, туземным поработанным населением, занимавшимся главным образом ремеслами и земледелием. Однако, имея в виду приличные сооружения городского населения, а также наличие в них каменных идолов, семейных богов, можно считать установленным, что здесь жили также отдельные мелкие чиновники со своими семьями, и воины местного гарнизона¹, оборонявшего пограничную крепость. Но нельзя, конечно, допустить, что большая часть городского населения состояла из воинов, как это думает В. С. Сорокин. Дело в том, что город Тейшебаини бесспорно являлся не только военно-административным, но и крупным экономическим центром. Сады, виноградники и поля этого хозяйства обрабатывались рабами. С другой стороны, трудно предположить 4—5-тысячный состав каждого урартского гарнизона, имея в виду то обстоятельство, что урартское войско по количеству лишь незаметно превосходило военные отряды местных племен и если оно одерживало верх над последним, то это лишь за счет технического превосходства и организованности².

Возвращаясь к вещественному материалу, нужно отметить, что описанные выше археологические памятники характеризуются одними и теми же чертами, за исключением цитадели на Кармир-блуре, где вместе с характерным для могильников Армении инвентарем очень богато представлены урартские вещественные памятники. Благодаря этому можно выделить характерные для всех этих памятников группы металлических предметов, имеющих совершенно близкие формы, а следовательно, и назначение. Это обстоятельство делает возможным рассмотрение отдельных групп металлического и другого инвентаря могильников Армении VII—VI вв. до н. э. на основании археологического материала, добытого рас-

¹ См. Б. Б. Пиотровский. Кармир блур, I, 1950, стр. 17—18, а также Г. А. Меликишвили. Некоторые вопросы социально-экономической истории Урарту, ВДИ, 1951, № 4.

² Думается, что не прав И. М. Ляконов (ВДИ, 1952, № 1, стр. 90), утверждая, что в техническом отношении урартское войско не представляло „особого контраста с ополчениями окружающих племен...“.

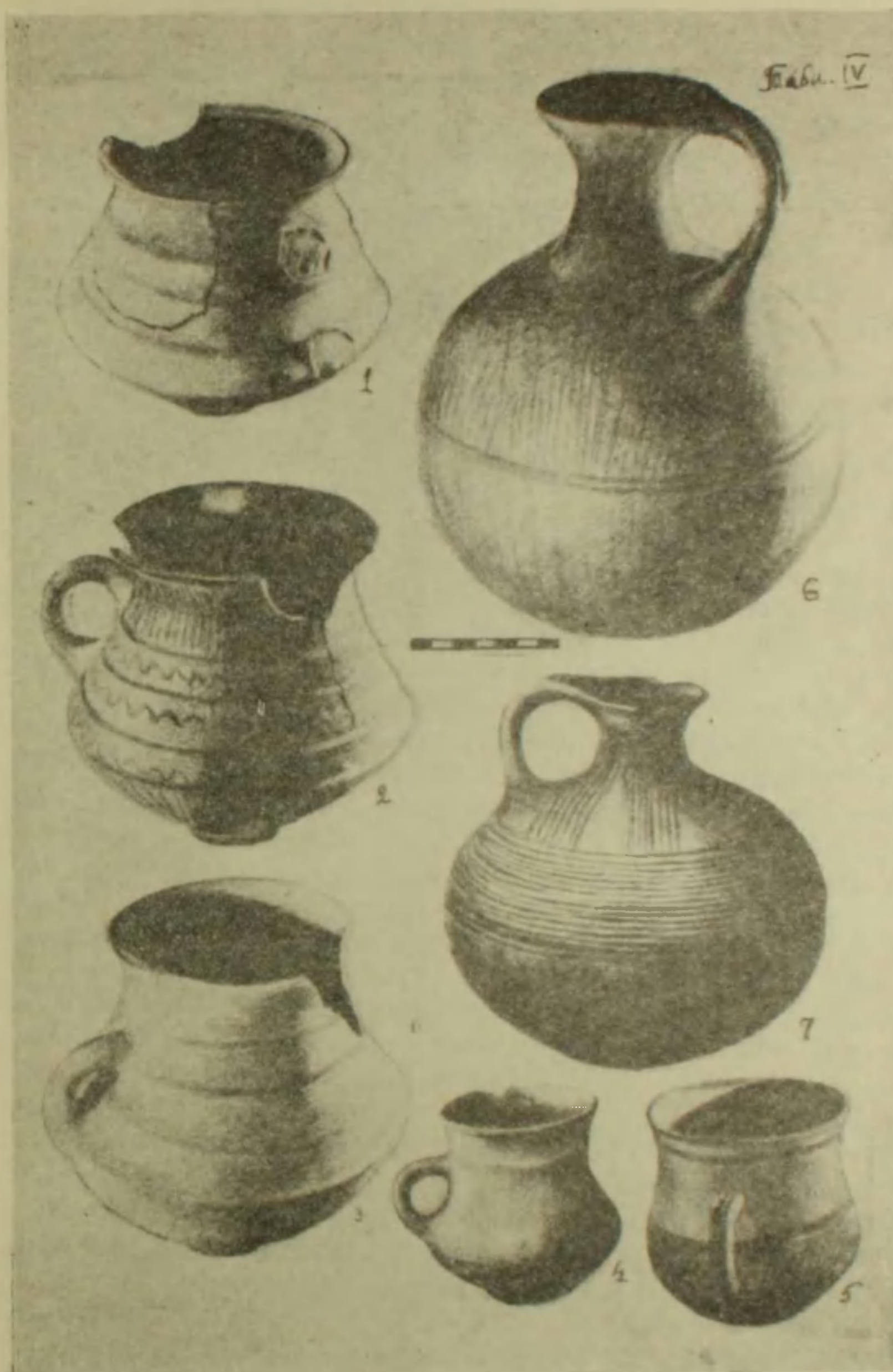

Таблица IV.

копками одного лишь могильника, хотя каждый из этих могильников, если даже они примыкают друг к другу территориально, обнаруживает часто и свои специфические черты. Отмеченное на указанной выше территории единство предметов вооружения и труда, а также бронзовых изделий, главным образом предметов культа и украшения, говорит не только о тесных экономических взаимоотношениях между отдельными племенами—соседями, но и об определенной общности экономического уклада, отличающегося от других областей Кавказа.

Интересно, что отмеченный выше ареал распространения культуры VII—VI вв. до н. э. значительно шире по сравнению с ареалами замкнутых очагов медно-бронзовой индустрии Кавказа. А если мы учтем и западную часть Армении, то контраст этот еще более усилится.

* * *

Рассмотрение инвентаря из могильника в ущелье Хртаноц в общей связи с инвентарем из одновременных археологических памятников Армении совершенно определенно показывает невозможность отождествления его с культурами начального периода освоения железа или же ахеменидского времени, хотя культура, рассмотренная нами, хорошо связывается как с первой, так и со второй. Вместе с тем изучение инвентаря Хртаноцкого могильника дает возможность установить наличие тесных культурных связей, с одной стороны, с позднеурартской и раннескифской культурами, а с другой стороны—тождество Хртаноцкого могильника с могильниками Армении и частично Грузии, датированными совершенно определенно VII—VI вв. до н. э. Связи памятников с городом Тейшебаини, прочно датированным VII—VI вв. до н. э., на основании письменных памятников вырисовываются совершенно четко не только при анализе железного инвентаря (наконечники копий, серпы, ножи и пр.), но и при рассмотрении бронзовых изделий—продуктов ремесла и искусства (браслетов, фибул, поясов, ожерелий из стекла, пасты и полудрагоценных камней и местной керамики, представленной в кармир-блурском комплексе кувшинами, мисками, орнаментированными горшками грубой выделки и т. п.). Близкие взаимоотношения закавказской и урартской культуры в некоторой мере предопределили как развитие северо-кавказской и скифской культуры, так и широкие связи последней с Закавказьем и древним Востоком. Особенно четко прослеживаются связи закавказской культуры с культурой Северо-восточного Кавказа (наконечники копий, ножи из железа, некоторые бронзовые изделия, агатовые и сердоликовые бусы) скифского времени и менее определенно с так называемой кобанской культурой.

Прочные аргументы для датировки хртаноцкого инвентаря дает сопоставление его с железными (изогнутые ножи, топорик, некоторые наконечники копий) и бронзовыми (пояса, ножи, змеиноголовый браслет, конские уборы) изделиями из скифских богатых курганов Прикубанья (Келермес) и Приднепровья (курганы близ Смелы), датированных VII—VI вв. до н. э. Однако изучение археологических комплексов эпохи

широкого использования железа позволяет видеть реальные связи не только с северо-кавказскими скифами и северо-причерноморскими скифами, но и со скифами, населявшими Приурнийский район согласно сведениям ассирийских источников и данным археологии (пог. в с. Гуши, клад в Саккизе), в течение VII—VI вв. до н. э. При этом особенно важно отметить, что огромное большинство упомянутых здесь археологических комплексов сопровождается трехгранными или двуперыми наконечниками, стрел раннескифского образца, получившими широкое распространение на территории всего Кавказа и Переднего Востока в комплексах материалов VII—VI вв. до н. э.

Обнаруживая резкое отличие от инвентаря из предшествующих и последующих во времени археологических памятников, инвентарь Хртаноцкого могильника прочными узами связан с инвентарем всех могильников Армении VII—VI вв. до н. э. по всем основным формам орудий и оружия. Сказанное делает несомненной датировку могильника в ущелье Хртаноц временем VII—VI вв. до н. э., а также то, что рассматриваемая нами культура глубокими своими корнями уходит в местную почву, хотя обнаруживает разносторонние связи с другими культурами.

Указанный период истории древнейшего Закавказья и Армении был оценен Н. Я. Марром и его некоторыми последователями с точки зрения теории стадийного развития. «Опираясь на изучение стадий», преувеличивая значение наличия скифского элемента в материальной культуре Закавказья I тысячелетия (до н. э.), а порою произвольно интерпретируя языковой материал, Марр и его последователи «выявляли» «скифов Кавказа»¹, утверждали наличие «в Закавказье в первом тысячелетии до н. э. той же скифской стадии», приводившей к полному игнорированию подлинной истории как скифских, так и местных племен.

Целый ряд новых элементов, выступивших в культуре VII—VI вв. до н. э., свидетельствует о коренных изменениях, предопределивших весьма существенные сдвиги в материальной и духовной жизни аборигенов. Интенсивный рост земледелия и скотоводства, ремесла и междообщинного обмена создали необходимые условия для перехода местного общества на более высокую ступень общественного развития.

В условиях тяжелого урартского гнета быстрыми темпами развивалось ирригационное земледелие. При экономическом освоении районов Армении, в целях эксплуатирования подвластного населения, урарты стали развивать ирригационную сеть, обслуживающую не только государственное хозяйство, но и «жителей» различных городов (см., например, Кешиш-Гельскую надпись Русы I)². Сооружение оросительных систем, связанных с крупными водными артериями страны, требовало активного вмешательства централизованной силы урартской власти с вытекающей отсюда функцией «организации публичных работ» (К. Маркс).

¹ И. И. Мещанинов, О применении лингвистического материала при исследовании веш. памятников, Сообщ. ГАИМК, № 1—2, 1932, стр. 8 и сл.

² См. И. М. Дьяконов, О пленниках в Ассирии и Урарту, ИДИ, 1952, 1, стр. 93 и сл.

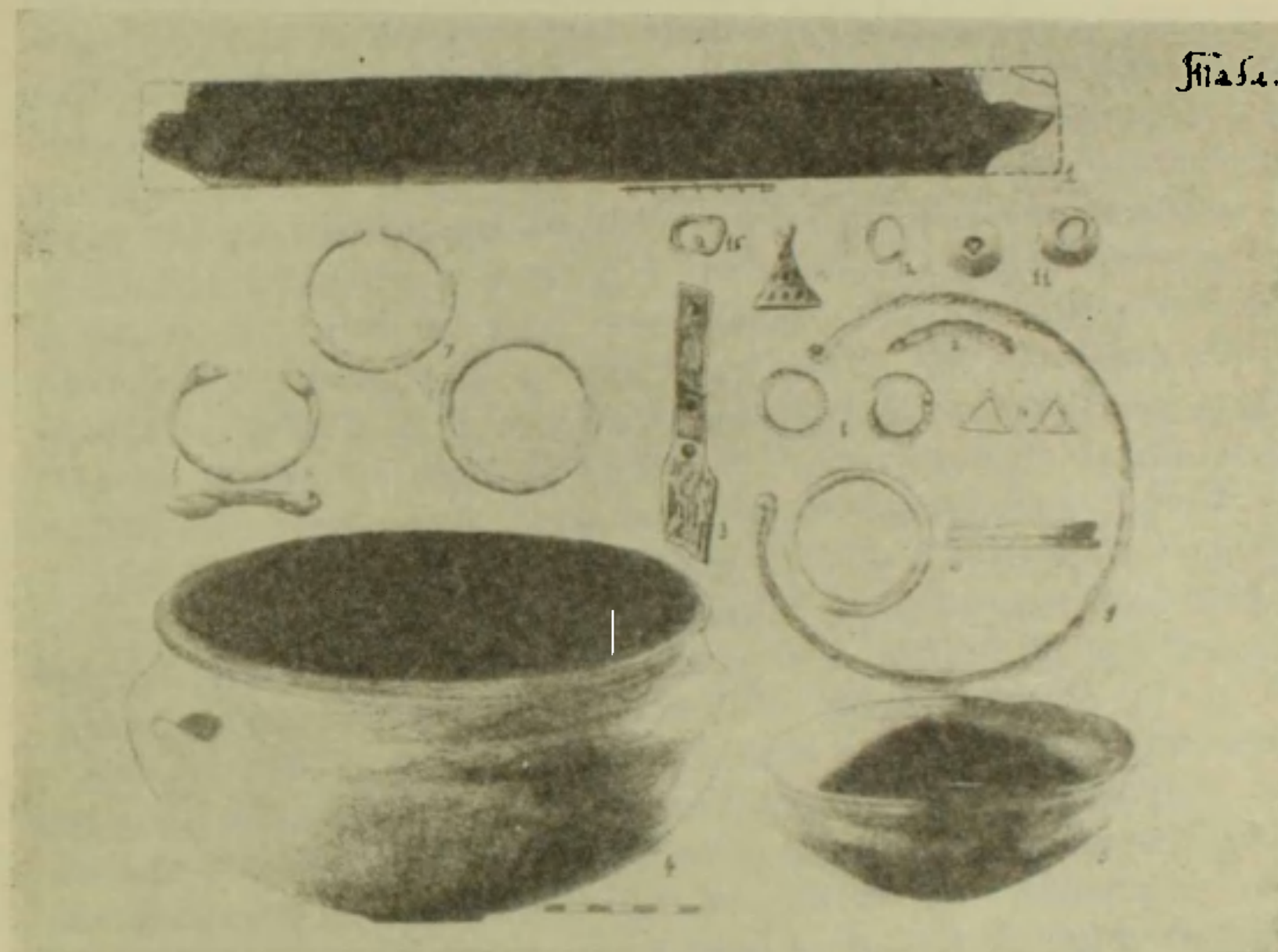

Таблица V.

Помимо развития ирригационной системы, уарты стали культивировать новые виды растений (кунжут, просо), вводить новые земледельческие срудия.

О высоком развитии земледелия на северной периферии Ванского царства свидетельствуют клинообразные надписи, а также вещественные памятники (железные серпы, деревянные молотки и др.), обнаруженные при раскопках могильников Армении, относящихся к последнему периоду урартского владычества.

В соответствии с зачаточным развитием частной собственности, все больше накапливаемой в отдельных семьях¹, находившиеся ранее в собственности сельских общин обрабатываемые участки земли, единственным собственником которых отныне признавался урартский деспот, вероятно предоставляются в пользование отдельным семьям или общинам, как это имело место в Ассирии. Возможно, что эти общины выступают отныне лишь как наследственные владельцы в силу того, что урартский деспот признается юридически высшим и единственным собственником. Однако подобная логика вещей вовсе не мешала тому, чтобы некоторые районы Армении, захваченные уартами, становились государственными землями. После работ Б. Б. Пиотровского и Г. А. Меликишвили можно считать установленным, что город Тейшебани и ряд других городов являлись именно крупными хозяйственными центрами государства Урарту.

На государственных землях работали как раз пленные «воины», переселенные из других областей страны². Предположительно можно допустить, что наряду с пленными «воинами» порабощалась также часть свободных общинников, занимавших эти земли и прежде.

О наличии самостоятельных хозяйств в пределах Урарту свидетельствуют сообщения ассирийских царей об «обильном урожае» у жителей захваченных ими урартских областей³, а также археологический материал, указывающий на обработку земли по отдельным участкам, располагавшимся на тех же местах, где и современные (в районах Нор-Баязета, Октемберяна, Еревана и др.).

На незанятых уартами землях Армении сидели наличные уже здесь территориальные общины.

Свободные общинники сами распоряжались своей землей, но это еще не являлось частной собственностью в настоящем смысле слова, так как отдельный общинник выступал в качестве «собственника или владельца» лишь как член общины⁴. Это положение усугублялось тем, что ирригационная сеть страны находилась или в руках общины, или в руках царя.

Крупнейшие перемены произошли и в скотоводстве. Непомерное уве-

¹ Наличие молотильных досок, а равным образом огромного количества скелетов лошадей, быков и др. животных при одиночных захоронениях эпохи раннего железа, подчас совместно с костями насильственно умерщвленных людей, несомненно свидетельствует о развитии категории частной собственности.

² И. М. Ляконов. О пленных в Ассирии и Урарту, стр. 92.

³ Там же, стр. 97.

⁴ См. К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 6.

личение численности скота¹, а также накопление его в руках все больше обособляющихся отдельных патриархальных семейств, обусловили переход скотоводства в степные районы. Высокогорные альпийские луга оказались теперь явно недостаточными, а высокое развитие земледелия в степных районах страны создавало надежную кормовую базу для зимовки скота. Развитие скотоводства служило решающим фактором, оказавшим существенное влияние на ход развития общества. Оно превратилось в основной источник для накопления богатств, дающий впервые прибавочный продукт и тем самым стимул для межплеменного обмена. На основе развития скотоводства возникло имущественное неравенство сначала между отдельными племенами, а в период урартского владычества — и классовое расслоение внутри этих племен.

Ценные сведения о высоком развитии скотоводства дают клинообразные надписи, а также погребальный материал.

Показателями нового этапа в развитии скотоводства являются встречаемые повсеместно в VII—VI вв. до н. э. захоронения человека и коня, отражающие цели полукочевого скотоводства.

Изучение богатейшего остеологического материала из раскопок Кармир-блур показывает, что огромное количество костяков животных принадлежит здесь к аборигенным породам; этот и ряд других фактов делают несомненным, что в периоды между грабительскими походами урартов скот поступал в их административные центры в виде дани, вместе с зерновыми злаками и другим добром.

В реляции ассирийского царя Саргона упоминается область Суби, где разводили лошадей, взимаемых урартами с населения в порядке налога².

Нужно отметить еще, что разведение скота обеспечивало население не только мясными и молочными продуктами, но и сырьем для ткацкого, кожевенного и др. ремесел. О высоком уровне развития ремесел свидетельствуют продукты гончарного, деревообрабатывающего, ткацкого, кожевенного и др. ремесел. Но важнейшим событием в материальном производстве этой эпохи явилось быстрое и широкое освоение железа, вытеснившего окончательно из хозяйства каменные и бронзовые орудия, вооружившего первобытного человека совершенно новыми и мощными средствами в борьбе с природой, поднявшего производительность труда на более высокую ступень. Широкое и быстрое освоение железа было обусловлено несколькими обстоятельствами, связанными с общественным развитием всего Переднеазиатского мира.

Наряду с другими факторами немаловажную роль в деле широкого освоения железа сыграло влияние урартской культуры, на что указывает сравнительный анализ материалов из урартских и местных археологических памятников. Однако к моменту VII—VI вв. до н. э. в железном ин-

¹ Сведения урартских надписей о наличии огромного количества скота в областях Закавказья подтверждаются раскопанными материалами. Так в курганах Нор-Аязета (ч. 17 и др.) обнаружено огромное количество скелетов животных: лошадей, быков, овец, козлов, собак и даже кошек (см. *Б. Б. Пиотровский*, *История и культура Урарту*, стр. 10 и др. «Этн. обозрение», кн. 14, стр. 17 и др.).

² *И. М. Дьяконов*, *О пленниках в Ассирии и Урарту*, стр. 46.

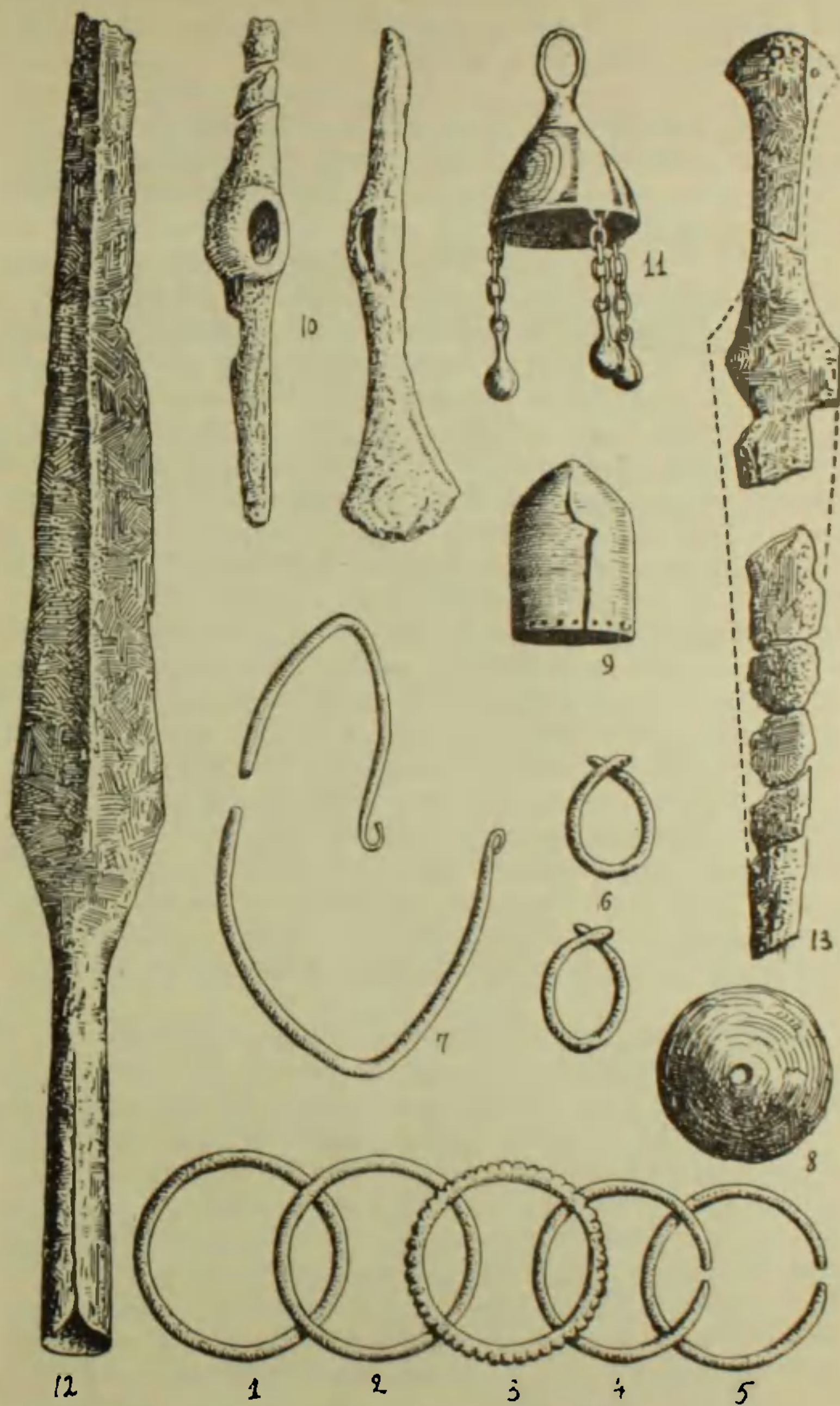

Таблица VI.

вентаре могильников Армении выделяются определенные группы предметов, имеющих независимые от урартских формы и тяготеющих скорее к формам бронзовых предметов, что свидетельствует о далеко зашедшем процессе освоения железа.

В своей работе «О диалектическом и историческом материализме», указывая на огромное значение перехода к железным орудиям, И. В. Сталин отметил, что переход к металлическим орудиям означает переворот в общественном производстве и что это новшество приводит в конечном счете к рабовладельческому строю¹.

Несомненно, что высокоразвитая металлургия северной периферии Урартского царства не могла базироваться на привозном сырье и должна была иметь местную сырьевую базу.

Геологические работы, проведенные за последнее время на территории Советской Армении и в других местах, показали, что железорудные месторождения на территории Арм. ССР могли бы вполне удовлетворить запросы этой отдаленной эпохи. Более того, они показывают, что все эти месторождения разрабатывались еще в глубокой древности, о чем говорят наличие древних выработок, обширных отвалов и скопления шлаков плавки железных руд. Весьма важно отметить, что и на основании армянских средневековых литературных источников, а также лапидарных надписей, можно установить места древних разработок, а совместной геолого-археологической экспедицией—и время первоначального использования этих богатств. Вопрос добычи металла представляет определенный интерес в том отношении, что обрабатывающие металл общины отличались от других по способу производства и производимым продуктом, что вызывало взаимный обмен при соприкосновении различных общин.

Стандартные формы железных, бронзовых, керамических, каменных и других изделий указывают на обособленное положение ремесла, находящегося уже в руках отдельных ремесленников, явившихся первыми «торговцами», распространяющими свою продукцию по всему Закавказью.

Таким образом, основными отраслями хозяйства в обществе VII—VI вв. являлись скотоводство, земледелие и ремесло, развитием которых были обусловлены как первое, так и второе крупное общественное разделение труда: отделение ремесла от земледелия.

Развитие скотоводства, земледелия и ремесла создало огромные возможности для привлечения в процесс производства материальных благ новых рабочих рук, для обращения в рабство военнопленных в больших масштабах по сравнению с предыдущей «эпохой бронзы». Этот процесс в сильной мере отразился в погребальном обряде². Количество рабов увеличивается настолько, что в обществе появляется довольно значительный слой населения, обладающий рабами. С другой стороны, глубокая иму-

¹ И. В. Сталин, О диалектическом и историческом материализме, Госполитиздат, 1953, стр. 31.

² Раскопки могильников Норбагетского района являются замечательной иллюстрацией этого наблюдения (см. «Этнографическое обозрение», курганы в Загалу, Паташаре, «Ахпри глух» и в др. местах).

щественная дифференциация, разлагающая первобытно-общинный строй, вела к порабощению также сородичей и соплеменников.

В то время, как привилегированная верхушка родоплеменной знати в полной мере сотрудничала с урартской знатью, рядовые общинники порабощались или же несли тяжелое ярмо урартской налоговой политики.

Возникновение рабства, глубокая имущественная дифференциация вели к образованию антагонистических классов. Зарождение частной собственности, посемейная обработка отдельных участков земли, накопление богатств в руках отдельных семейств и проникновение в местное общество, под влиянием урартов, товарных отношений окончательно разрушали первобытно-общинные отношения и подготовили условия для перехода к классовому обществу.

В условиях распада первобытно-общинного строя возникают большие союзы племен с почти общим уровнем хозяйственного и культурного развития, что делает возможным установление контакта с племенами, населявшими Северный Кавказ и Северное Причерноморье, создав грозную опасность для Ванского царства. В борьбе против Урарту эти союзы племен более сплачиваются, а совершающийся тогда в северных перифериях Урарту переход к классовому обществу способствует процессу оформления народности. Характеризуя указанный период истории «варварской окраины» государства Урарту, куда входила и часть Армении, С. Т. Еремян пишет: «Это был период «военной демократии» и возникновения рабовладельческого строя, когда сильные племена побеждали слабых, порабощали их и подчиняли себе. При этом происходило скрещивание языков, протекавшее не как сотрудничество и взаимное обогащение языков, а как ассимиляция одних и победа других языков»¹.

Работы Б. Б. Пиотровского и других урартоведов показывают, что Урарту представляло собою непрочное военно-политическое объединение. Борьба возникших уже крупных союзов племен создала грозную опасность для Ванского царства, борющегося всеми силами против усиления этих племен. Борьба эта первоначально выражалась в угоне скота и в бесконечных переселениях населения на чрезвычайно отдаленные от родины места, а позднее в более серьезных и радикальных мероприятиях. Огромное значение в указанном отношении имела административная реформа, проведенная при Русе I (конец VIII в. до н. э.) по разделению Армении на ряд мелких округов. Это мероприятие было направлено против усиления наместников, управлявших прежде большими округами. Но, несмотря на эти радикальные мероприятия, уже в конце VII в. от государства Урарту отделилась область Армина-Шуприа во главе с Паруйром²; вскоре после этого возникла и династия Ервантидов.

Падением Урарту начался новый этап развития в жизни аборигенов Армении, этап, с которого начинается история современных народов Закавказья и в частности армянского народа.

¹ С. Т. Еремян. К вопросу об этногенезе армян, «Вопросы истории», 1952, 7, стр. 102.

² Б. Б. Пиотровский, О происхождении армянского народа, стр. 20–21

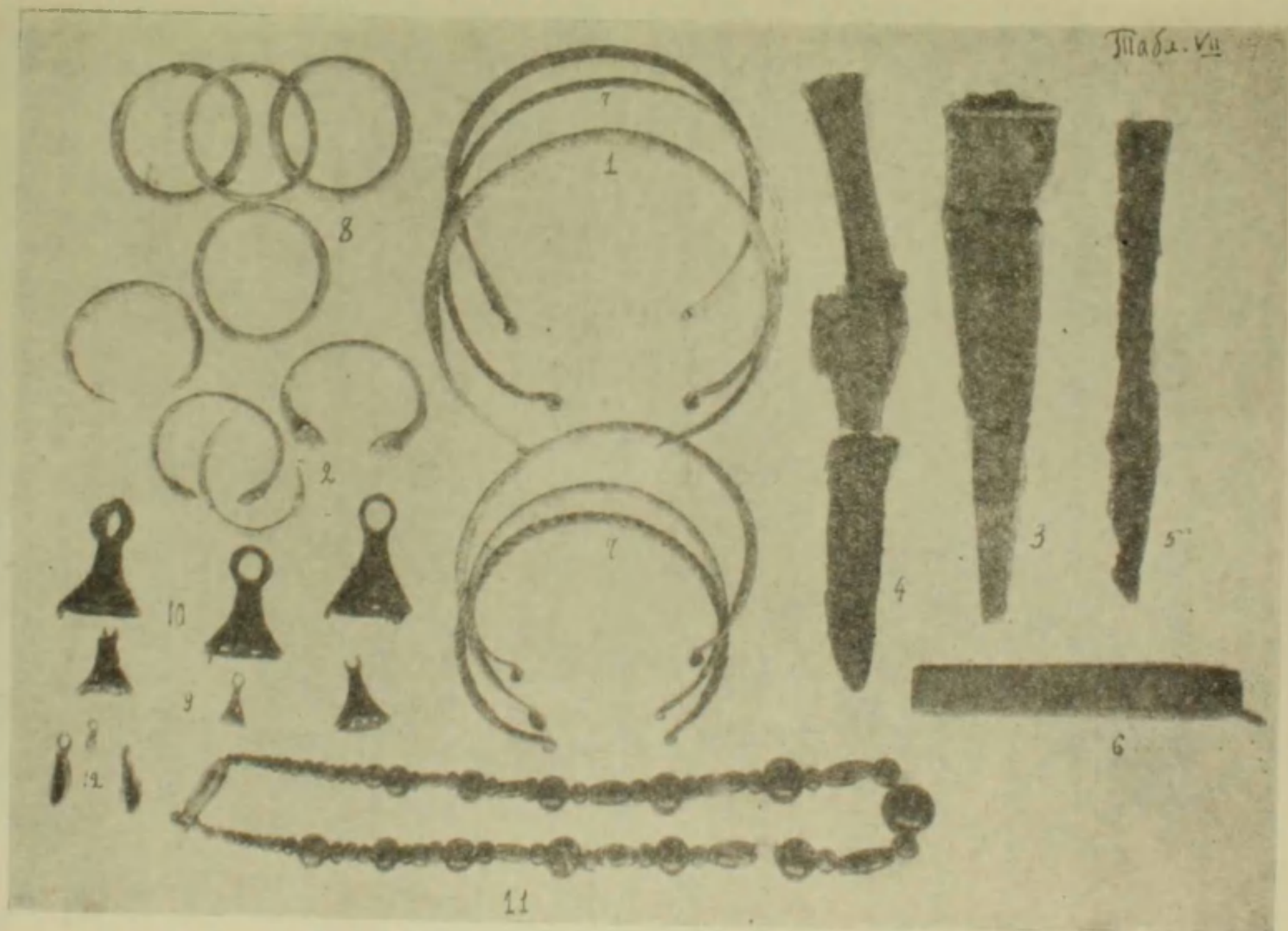

Таблица VII.